

**Ольга Власова,**

*Днепропетровский национальный университет  
железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна,  
доцент, кандидат философских наук, кафедра философии и социологии,*

**Татьяна Купцова,** *Днепропетровский национальный университет  
железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна, доцент,  
кандидат философских наук, кафедра иностранных языков*

## **Гендер и литература во взаимодействии дискурсов, идеологий и нарративов**

**Olga Vlasova,**

*Dnipropetrovsk National University of Railway Transport named  
after Academician V. Lazaryan, Associate Professor, Candidate  
of Philosophic Sciences, Philosophy and Sociology Department,*

**Tatyana Kuptsova,** *Dnipropetrovsk National University of  
Railway Transport named after Academician V. Lazaryan,  
Associate Professor, Candidate of Philosophic Sciences,  
Foreign Languages Department*

## **Gender and Literature in the Interaction of Discourses, Ideology and Narratives**

**Аннотация:** Дискурсы и нарративы второй половины XIX в., преломленные в женской литературе этого периода, подвергаются анализу в русле постмодернистских теорий конца XX в.

**Ключевые слова:** текст, интерпретация, нарратив, идеология, дискурс, гендер, эмансипация, символизм.

**Abstract:** Discourses and narratives of the second half of the 19<sup>th</sup> century, represented in the female literature, are analysed in connection with the postmodern theories of the 20<sup>th</sup> century.

**Keywords:** text, interpretation, narrative, ideology, discourse, gender, emancipation, symbolism.

Как неоднократно отмечалось самыми разными исследователями, генеалогия постмодернистской теории неразрывно связана с языком, с тем «лингвистическим сдвигом», который произошел в философии и социальных науках во второй половине XX века. Ж. Деррида пишет в этой связи, что структуралистская позиция «перед языком и внутри языка» - не столько момент истории, сколько «удивление языком как началом истории» [5, с. 12]. Цитируя известную фразу Монтеня о том, что стоит больше заниматься истолкованием истолкований, чем истолкованием вещей, Деррида отмечает, что корни западной гуманитарной науки уходят в почву обыденного языка, где их и «подбирает эпистема». Таким образом Деррида утверждает деконструктивистскую модель интерпретации, предполагающую, что культура - это текст. При этом границы литературного текста расширяются, включая самые разные культурные явления и артефакты. По Деррида, всё в человеческом мире текстуально, всё можно прочесть как текст. Следовательно, у Деррида философия превращается в форму литературы (вымысла); последнее оказало прямое и мощное воздействие на феминистскую философию. С начала 70-х годов прошлого века исследовательницы - феминистки начинают скрупулезно анализировать как широко известные, так и не столь знакомые философские тексты, и именно женская литература оказалась в особом фокусе их внимания. По справедливому замечанию исследовательниц, «литературный дискурс явился одним из немногих, в котором женское постоянно играло заметную и очевидную роль» [7, с. 37]. Украинские исследовательницы гендера также отмечают, что гендерные студии, которые начали в Украине свою активную работу на рубеже 80-90-х г.г., в значительной мере представляли литературоведение (В. Агеева, О. Забужко, И. Жеребкина, Т. Гундорова и др.). Последнее также является постмодернистским феноменом: и Фуко, и Рорти не однократно писали о том, что «архив» философских знания с неизбежностью включает литературу [1, с. 54].

Ученые-постмодернисты доказывают, что человеческая природа непостижима. Всё, что мы знаем, что можем сказать о мире, - это наш «разговор», наш дискурс, наш текст. Деррида и Лиотар доказывают: мы не можем не рассказывать, мы не можем не «повествовать»; они, будучи глубоко заинтересованными природой «метанарративов», акцентировали значения анализа границ нарративности, «создания» историй. Известное высказывание гласит: «Удовольствие можно найти в метафоре, удовлетворение - в историях»; нарративы (истории) создают и поддерживают реальность, поскольку мы живем в нарративах и историях. Нарративы организуют, поддерживают и распространяют знания о нас и наших мирах: «Человек является животным, рассказывающим истории», быть человеком значит иметь историю и рассказывать её.

Более того, доказывают ученые, культура определяется историями, с которыми идентифицируются её представители; в реальном смысле, культура представляет собой то же самое, что и истории, которые рассказывает большинство людей [6, с. 368]. В то же время нарративы не несут в себе абсолютной истины. Парадигма постмодернистского социального конструирования предполагает, что человек не познает объективную реальность, а интерпретирует её. Для интерпретации любого опыта существует множество возможностей, и «конкретные» истории «реального» индивида являются одной из них. Подобный подход существенно повышает необходимость исследования гендерного опыта человека - мужчины и женщины в условиях «постсовременности», где каждая история в качестве интерпретации обладает равным правом быть истинной, но никогда в этом смысле не становится универсальной, - и здесь нельзя не затронуть проблему идеологии.

По справедливому замечанию многих комментаторов, идеология - это «ложное» (не «лживое») сознание, это способ не сознательного, но бессознательного самообмана. Функция идеологии состоит в том, чтобы незаметно подменить в сознании человека подлинные мотивы его поведения иллюзорными, но зато нравственно приемлемыми для него мотивировками. Вот почему идеология представляет собой такую «картину мира», которая истолковывает его реальность не с целью его объективного познания, а с целью суммирующего оправдания тех или иных групповых интересов. В своих работах Р. Барт подчеркивает следующие аспекты идеологии: её принципиальную неполноту, её «империализм» и претензии на универсальность, её агрессивность и принудительный характер, её «натурализирующую» функцию, стереотипность и «иммобилизм»: идеологии стремятся к созданию устойчивого, раз и навсегда данного образа мира [2, с. 9-10].

«Неуслышанность», - трагедия эпох и народов, в наше «постсовременное» время разыгрывается особенно часто на подмостках истории, но «гендерная неуслышанность» всегда присутствовала на сцене западной культуры [4]; женская литература всегда рассматривалась как «вторичная», - и в плане своих тем (несчастливый брак, любовь, ревность, соперничество и т.п.), и в плане художественной ценности (низкопробность, примитивность, банальность сюжетов, бедность изобразительных средств языка и т.д.). Мы попытаемся дать общий анализ некоторых текстов великой украинской писательницы второй половины XIX века - Леси Украинки, считая их «двойными» (термин Э. Шоре), поскольку в них отражено и мужское видение мира (нормативное, эксплицитное), и женское (неявное, имплицитное, но очевидное при внимательном прочтении). Исследовательницы утверждают: гендерный дискурс существовал в украинской литературе и в XIX в. (Л. Украинка, М. Вовчок, Н. Хвоцинская и др.), но велся он не в прямой форме, но

«тонко и подспудно (Н. Хайдер). Женщина середины XIX века вторгается в ранее мужские сферы деятельности - образовательную, профессиональную, политическую, - что не могло не вызвать полемику в обществе того времени, поскольку постепенное загрязнение украинского феминистского дискурса становится очевидным. В это время постепенно зарождается отечественный феминистский дискурс. Это прежде всего касается творчества Леси Украинки и Ольги Кобылянской, которые впервые в украинской культуре прямо поставили вопрос женской эмансипации, открывая таким образом обществу глаза на необходимость создания благоприятных условий для интеллектуального и социального роста женщин. Следует отметить, что зарождению отечественного феминизма противостояла целая армия идеологов «народной» культуры, которым казалось, что заповеди патриотизма и народолюбия подрываются носителями новых западных веяний, среди которых идея освобождения женщин воспринималась как одна из самых радикальных и угрожающих для стабильности традиционной народной культуры. Народники продолжали отводить украинской женщине роль хранительницы домашнего очага и самоотреченной матери, которая воспитывает сыновей-борцов, обвиняли эмансипированных женщин в посягательстве на святые ценности - брак, семью, родительский авторитет, которые ассоциировались с нерушимой духовной традицией. И все же женщины-борцы за равноправие отважились противостоять идеологии «народництва», отстаивая не абстрактные права «трудового народа», а интересы женщин с их правом на знание и образование.

В творчестве Леси Украинки ярко представлен феминистический дискурс, который служит мировоззренческой базой образной системы ее творчества. Так, в своих произведениях она касается проблемы бытия, которое совпадает с социальной свободой как таковой. Это отображено в поэмах «Самсон», «Вавилонский плен», «На руинах», «Оргия». В своих драматических и поэтических произведениях Леся Украинка подчеркивает, что путь к свободе начинается с внутреннего выбора, часто противореча приспособленчеству внутри своего «Я». Главным является не выделение внешних сторон поиска свободы, а поиск того эмоционально-чувственного, с которого начинается сам импульс свободного поиска. Прежде всего, ее привлекает идея выбора: именно в выборе реализуется первый шаг к свободе. Из двух аспектов проблемы выбора: этического и эстетического, Леся Украинка предпочитает эстетический. Если этическое понимание выбора не может не базироваться на рациональной схеме, то эстетическое отступает от этого. «Символическое мышление» писательницы полностью отвечало именно эстетической форме отображения проблемы выбора. Показательным в этом плане является образ Оксаны в драматической поэме «Боярыня», - яркий образ «новой

женщины», который раскрывается в психологическом конфликте: понимания обязанности перед семьей, с одной стороны, и обществом, с другой. В драматическом произведении «Грешница» также представлен образ сильной женщины, мужественного борца. Пытаясь взорвать вражеский замок и будучи раненой, девушка не беспокоится о своей судьбе и неизбежной расправе, которая ожидает ее на суде, она думает лишь о том, что не удалось выполнить задуманное. В одном из своих наилучших произведений «Каменный хозяин» Леся Украинка показывает, что происходит с тем, кто отрекается от свободы. Дон Жуан, «рыцарь свободы», ради славы и власти, которыми соблазняет его донна Анна, стал жертвой женщины, которая сломала его волю. Нельзя не согласиться с А. К. Бычко, которая отмечает: происходит то, что хуже самой смерти, - потеря себя как неповторимой личности, происходит «окаменение» того, кто был воплощением принципа свободы, свободного самопроявления, - Дон Жуана. Драматическая тема потери себя показана также в известном произведении писательницы, «Лесной песне». Прежде всего это явления гибели духовной, затем физической как результат отказа от того, что составляет саму сущность личности: Лукаш не осознал своей собственной духовной экзистенции; Мавка погибает, отринув свою свободолюбивую сущность. И, как отмечает А. К. Бычко, настоящей трагедией героев является отсутствие «вечного движения», консерватизм. Спокойствие, отсутствие движения являются настоящей трагедией, а счастье - это вечное движение, даже когда оно оборачивается смертью. А. К. Бычко подчеркивает, что следует обратить внимание еще на одну составляющую идейной направленности «Лесной песни»: отдавая должное романтической концепции сильной личности, философски обоснованной в работах Ф. Ницше: Леся Украинка, как известно, была неразрывно связана с протиставлением личности толпе [3, с. 97-124].

Что касается «символического мышления» Леси Украинки, то оно полностью отвечало именно эстетической форме отображения проблемы выбора. Выбор для нее - это, прежде всего, самоопределение. Следующий шаг - борьба за себя, за свою «самость». Поэтому ее герои лишены в русле Толстого и Достоевского покаяния, самоунижения. Что же определяет самосознательность героев? Ответом будет может быть название романа В. Винниченко - «Честность с собой»: вечное стремление быть самим собой в гармоническом единстве со своей, только этому человеку данной сущностью, это то, что у Сквороды в свое время определялось как «микромир»: Другими словами, вся драматургия Леси Украинки - это вечный поиск правды, которая определяет бытие героев и направляет это бытие.

Список литературы:

1. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism. History. - Theory, Fiction. - New York

and London: Routledge, 2002. - 268 p.

2. Барт Р. S/Z. - М. Академический Проект, 2009. - 373 с.
3. Бичко А. К. Леся Українка: Світоглядно-філософський погляд / Ада Корніївна Бичко. - К: Український центр духовної культури, 2000. - 185 с.
4. Власова Т.И. Сексуальная идентичность в нарративах и дискурсивных практиках // Наук в современном информационном обществе. - North Charleston, 2015.- С. 156-159.
5. Деррида Ж. Письмо и различие. - М.: Академический Проект, 2007. - 495 с.
6. Уилер Г. Гештальттерапия постмодерна за пределами индивидуализма. – М.: Смысл, 2011. - 464 с.
7. Хор. Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. - М: Франбургерский ун-тет, РГГУ, 2009. - С. 31-60.